

ВСТРЕЧА ХРИСТИАНСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В СВЯТЫХ МЕСТАХ ПАЛЕСТИНЫ И ЕГИПТА (ГЛАЗАМИ РУССКИХ ПАЛОМНИКОВ XV–XVIII ВЕКОВ)

В средние века и даже позднее, до XIX века, немалую часть христианского мира составляли люди восточнохристианских цивилизаций Азии, Африки и Кавказского региона. Их развитие было подобно благородной культурной прививке христианства к подвою древних цивилизаций Востока, территории которых располагались за пределами Римско-Византийской империи. После включения ряда христианских стран в состав исламских империй и почти полной изоляции других (Эфиопия, Южноиндийская Керала и т. п.) от основной части христианского мира, «восточнохристианские» черты их цивилизаций либо усилились, либо вовсе законсервировались. Захват Византии и Балканских стран османами также привел к их изоляции от христианской Европы и культурному сближению с восточнохристианскими общинами Османской империи; в социально-церковной культуре подданных империи появились многие характерные «восточные» черты, возможно, перекочевавшие и в Россию.

Однако даже не все греки стали восточными христианами: к примеру, жители Ионических островов, никогда не порывавшие своих связей с европейским христианским миром и свято хранившие традиции Византии, исторически занимавшей центральное (а не восточное) место в средневековом христианском мире. То же самое можно сказать о румынских, украинских и белорусских землях.

Наконец, и саму Россию нельзя безоговорочно относить к восточнохристианскому миру. Уже со времени своего формирования в XV – XVI веках, а затем в эпоху династии Романовых она заняла особое место по отношению к центральному, западному и восточному христианству, сочетая черты того, другого и третьего вместе с рядом неповторимых «северных» особенностей. Это не означает ни отрицания некоторых вполне восточнохристианских черт русской цивилизации, ни умаления роли центрального православного христианства, ни игнорирования части «восточных», евразийских истоков этой цивилизации и восточных нехристианских культурных вех, которым она подвергалась в период своего формирования¹.

Нельзя забывать, что с самого своего зарождения (в золотоордынское и даже более раннее время) Россия была системой цивилизаций, включавшей в себя очаги тюркской ветви исламской цивилизации и др.; именно внутри этой системы одна из периферийных областей славянского христианского мира превратилась в особую русскую цивилизацию.

Уже в этот начальный период русские люди общались с представителями восточнохристианских цивилизаций, а именно: с татаро-монголами – несторианами, частью переходившими на службу к русским князьям и принимавшими Православие;

армянами-монофизитами и православными народами Кавказа. Все они, оказавшись на Руси, подчеркивали свое единоверие с русскими и активно ассимилировались с ними.

Те же из русских людей, кто совершал паломничество в Святую Землю — Палестину и Египет, видели здесь и местных христиан, и паломников со всего христианского мира, и монахов разных Церквей, совершавших Литургию в храме Гроба Господня. Они встречали и африканских христиан: коптов и эфиопов².

Изучение сообщений русских паломников в Святую Землю, а также дневников и других работ архимандрита Порфирия (Успенского), позволяет отметить, как с течением времени развивалось отношение русских к африканским христианам и к тем цивилизациям, которые они представляли³.

Впечатление от первой встречи русского с коптами — равнодушие. В декабре 1465—январе 1466 годов в Сирию, Палестину и Египет совершил паломничество русский купец высшего разряда — гость Василий. Кроме святых мест (в Египте это была древняя смоковница близ Матарии, под сенью которой отдыхало Святое Семейство) особое внимание русского гостя привлек Каир — один из величайших городов средневекового мира. В иерусалимском храме Гроба Господня на Пасху 1466 года Василий наблюдал «куфидскую» (коптскую) Литургию, но в тексте «Хождения» не связывал ее с египетскими христианами⁴.

Не было равнодушия у киевского архимандрита Агрэфенья, пришедшего ко Гробу Господню около 1370 года, видевшего здесь среди прочих христиан также и «хабежей» (эфиопов) и «хабежскую» церковную службу.

Небольшое пояснение. Итальянские паломники XIV века видели в храме Гроба Господня часовню, еще одну наружную часовню на Голгофе при церкви Богородицы и в Вифлееме, в базилике Рождества, — алтарь, где совершали богослужение эфиопские христиане. Э. Черулли считал, что около 1340 года эфиопы организовали в Иерусалиме свой монастырь, а в 1370—1378 годах — скрипторий при этом монастыре. Агрэфений застал эфиопскую монашескую общину в Палестине в период ее первого расцвета. В то время другие африканские христиане — копты и нубийцы — владели здесь меньшим числом святых мест⁵.

Агрэфений отметил у Гроба Господня кроме «присно наших православных грецкая и иверская» (грузинская) «службы проклятых ереси», в том числе «по праву страну Гроба Божия за столпы, при церкви Святого Воскресенья» 6 попов греческих, иверьские и фряжские (у которых «служба латыньская»), арменские, яковетьский (сирийских яковитов. — Ю. К.), хабежский. Тамо у них и воды и кильи (кельи. — Ю. К.), и заходы. Отворяют церковь, когда придут поклоници»⁶.

Тем же отвращением к проклятым ересям и обычаям еретиков проникнуто описание святых мест Иерусалима в «Хождении купца Василия Познякава». Родом из Смоленска, Василий Позняков торговал в Москве. В Святой Земле он оказался так. В 1556 году в Москву за царской милостыней прибыли Восточные православные Патриархи: Иоаким Антиохийский и Иоаким Александрийский — и Синайский архиепископ Макарий. Когда в 1558 году они отбыли на родину, царь Иван Грозный дал им в спутники Василия Познякава с сыном и товарищами, которым было поручено доставить в Иерусалим, Сирию, на Синай и в Египет поистине царские дары: икону, златотканые ризы, сотни соболей, деньги и пр. После долгого и трудного путешествия летом или осенью 1559 года Василий и его спутники прибыли в Египет. Местом постоянного пребывания они избрали Александрию, откуда Позняков совершал поездки в Каир (в октябре 1559 года), на Синай (в ноябре 1559 — начале

1560 годов) и в Палестину. Весной 1560 года Василий Позняков, его сын и прочие спутники с караваном паломников вступили в Иерусалим, где отпраздновали Пасху.

В сделанном Позняковым описании иерусалимской церкви Вознесения (в храме Гроба Господня) и богослужения в нем среди других неправославных христиан неоднократно упомянуты хабежи и кофти (копты) и «прочая их проклятая ересь со своими попы».

Особое удивление русского паломника вызвала эфиопская Литургия: «Дивно же видехом в ту ночь в церкви еретиков бесящихся и неистовство их. Армяне ходят и един от них ходит перед их владыкой – большой их поп, а звонит в колоколец, а дьякон их ходит перед тем же владыкою назад пяты с кадиллом и кадит его... Хабежи же ходят вокруг Гроба Господня и есть у них бубны великие; и ходят вокруг гробницы и бьют по тем бубнам и скачут и пляшут яко бы скомораси; а иные назад пяты идут и скачут. И дивахомся Божию человеколюбию, како терпит: не мочно бе человеку и на торжищи такаява беснования видети. Сих же окаянных видехом в церкви тако круг Гроба Божия бесящихся»⁷.

В «Хождении купца Трифона Коробейникова» к этому добавлено замечание о коптской Литургии в церкви Вознесения: «А кофти во свое пение как козлы гласуют, бьют молотком в билце или в камень, аки трещоткою»⁸.

Таким было впечатление москвича XVI века от древнейшей из сохранившихся в христианском мире коптской литургической музыки.

Трифон Коробейников был не купцом, а приказным дьяком. Выдвинулся он при Иване Грозном. В 1583 году Коробейников ездил с дипломатической миссией в Стамбул, а в 1593–1594 годах, при царе Федоре Иоанновиче, он совершил новую поездку в Стамбул, Иерусалим и на Синай. По возвращении в Москву он написал отчет. Однако не этот отчет, а другое сочинение, в основу которого было положено «Хождение Василия Познякава», получило широкую известность как «Хождение купца Трифона Коробейникова».

Позняков доставил в Иерусалим царские подарки Патриарху Герману. В ответном письме царю Патриарх, между прочим, писал: «Многие здесь у Святого Гроба носят митры: армяне и хабежи и прочие; только мы одни ее не носим»¹⁰.

После Смутного времени паломничества из России в Палестину и Египет возобновились и продолжались, с перерывами на время русско-турецких войн, до советского периода. Одним из первых был купец из Плеса-на-Волге Василий Яковлев Гагара. Он торговал в Казани, посылая по Каспийскому морю корабли с товарами в Иран. В 1634 году Гагара, исполняя обет, отправился в паломничество по святым местам Востока, посетил Армению, «да много Палестинския земли прошел, и Грузинскую землю, и Сурьянскую (Сирию. – Ю. К.), и копты, и Эфтопскую (Нубию? – Ю. К.), и Маронскую (Горный Ливан. – Ю. К.). Гагара побывал как в Нижнем, так и в Верхнем Египте и оставил замечательное по точности и содержательности описание этой страны – одно из самых подробных во всей средневековой географической литературе (кроме арабской). Возможно, свое паломничество к святым местам Василий Гагара сочетал с торговлей. В Египте он выкупил из рабства москвитянина Иеремию, о чем получил грамоту от Александрийского Патриарха Герасима. Этот документ, датированный 1636 годом, сохранился до нашего времени¹¹. Надо думать, кроме Иеремии (или Еремея) в Египет попадали и другие русские «полоняники».

Рассказывая о Каире, Гагара не забывает сообщить о коптах: «А в Старом Египте (имеется в виду Старый Каир. – Ю. К.) создан храм во имя Пречистой Богородицы, а

служат в нем копты, наша веры», — это единственное в русской литературе XVII века признание коптов единоверцами русских православных христиан. Явно со слов каирских коптов приведен следующий рассказ: «А на коей доске учился Господь наш Иисус Христос грамоте, и за ту доску по много лета немцы давали казны много, и копты немцам не продали, и немцы тое доску украли и увезли к себе. А кой священник коптовский водил тех в церковь, и его копты хотели каменiem побити до смерти и был в великом наказании...»¹².

Через полтора десятилетия Палестину и Египет посетили несколько русских людей. В 1651–1652 годах в Иерусалиме побывал иеродиакон из Троице-Сергиевой Лавры Иона Маленький. Сюда он прибыл, сопровождая возвращавшегося из Москвы Иерусалимского Патриарха Паисия. Спутником их до Константинополя был один из самых выдающихся людей тогдашней России — архимандрит Арсений (Суханов). В составленном Ионой описании церкви Вознесения Христова и пещеры Гроба Господня приведены сведения о светильниках и часовнях коптов и эфиопов¹³.

Сходные сведения, относящиеся к тому же времени, приведены и в проскинитариях святых мест Иерусалима архимандрита Арсения (Суханова) и Назаретского архиепископа Гавриила, а также в челобитной В. В. Полозова. В книге Суханова, трижды посетившего Палестину и Египет, мы находим обширное описание Александрии, Каира с подворьем православного Александрийского Патриарха, Александрийской Патриархии в православном монастыре, Матарии, пирамид и пр. По словам Суханова, в то время «всех христиан в Египте, арабов и греков, тутошних жильцов, сказывают, сто шесть, а с приезжими будет и тысячу»; так ему сказал Синайский архиепископ Иоасаф, имевший в виду только православных без коптов. Зато при описании празднования Рождества Христова в иерусалимской церкви Святого Георгия упомянуты африканские христиане: «копты и хабежи на одном месте праздновали за один, а хабежский престол (алтарь. — Ю. К.) стоял порожень... Утреню хабежи с коптами служили, а обедню хабежи на своем престоле особно пели». В храме Гроба Господня упомянута «церквицы не велика; держат то место хабежи, люди черные, иже от великой Эфиопии христиане»¹⁴.

Если определение коптов как единоверцев в устах Василия Гагары можно объяснить незнанием догматов и церковной истории, то высокообразованный архимандрит Арсений (Суханов) своим точным и объективным определением эфиопских христиан поднялся до того уровня, который был более характерен для Европы и России XIX–XX веков.

Гавриил Назаретский около 1651 года кратко сообщал, что «около же Гроба Христова... имут еретици тоя олтари: габеже, близу же тех копты», а также другие¹⁵.

Еще меньше сообщил Василий Васильев Полозов, костромской сын боярский, совершивший паломничество в Палестину и Египет после того, как спасся из турецкой каторги. В храме Гроба Господня среди других христиан он видел коптов. В Египте Полозов жил полтора года, но рассказал об этом слишком кратко, не упоминая местных христиан. У Полозова мы находим то же братское мирское отношение к восточным христианам: грекам, сербам, грузинам, армянам (с армянами он общался так же часто, как и с греками)¹⁶.

Между тем в Москве создавалась иностранцами: греками, немцами и др. — переводная литература об Эфиопии, Палестине и соседних странах. В 1686 году, когда саксонец Л. Рингубер уже подал царю свои записки об Эфиопии вместе с проектом установления тесных отношений между этой страной и Россией, а в русской столице готовились переводы «Истории Эфиопии» Иова Лудольфа, монах Чудовского монастыря Евфимий выполнил перевод изданного семью годами ранее в Венеции греческого проскинитария Арсения Каллуды Критского. Здесь русские

люди находили довольно точное описание своеобразных церковных обычаев «хам-песов» — эфиопских христиан¹⁷.

Несмотря на войны с Турцией, паломничества русских и украинцев в Палестину и Египет продолжались и в XVIII веке. В царствование Петра I сообщения об африканских христианах либо исполнены отвращения к проклятым ересям, либо нейтральны. К числу первых относится сообщение священника, отца Андрея Игнатьева, служившего в российском посольстве в Стамбуле, от 1707 года: «Есть во святой церкви велицей дву ересей скверные два капища: первая элосмадная и зловонная, приделана к самым стенам капицы, идеже внутрь есть живоносный Гроб Христа Бога нашего, кофская, а ересь их есть монофелитская, яже исповедуют единую волю, и имеют три стены, а четвертая — Гроба Господня, а тии проклятые кофты имеют такоже пободного им в Египте своего патриарха, и большие имут проклятии к нечестивым туркам дерзновение, нежели греческий Александрийский Патриарх, и много их есть во Египте; а другая такая же есть скверная божица позади тоя кофтская на западе, идеже иссечены гробы два святых Иосифа и Никодима, глаголемая Сирьянская... Тамо же пещера Пресвятыя Богородицы... А ныне оную церковь и пещеру держат кофты и своим богомерзким приношением оскверниша».

В Александрии Игнатьев обнаружил, что «несть христианского дому ни единого»¹⁸. По сравнению со своими предшественниками он имел больше сведений о египетских коптах, но зато и больше всех усердствовал в их обличении.

К числу вторых относится сообщение иеромонаха Киево-Печерского монастыря Варлаама, служившего капелланом при фельдмаршале Б. П. Шереметеве: «В церкви велицей Воскресения Господня... многих вер собственные престолы: греческий, римский, армянский, кофтский, маронитский, несторианский»¹⁹. Кстати сказать, Варлаам не путает монофизитов, к которым относились армяне, сирийские яковиты-сурьяни, копты, эфиопы и малабарские христиане, с монофелитами, чью доктрину исповедовали марониты до заключения унии с Римской Церковью.

Самым интересным сообщением из всей группы памятников паломнической литературы петровского времени можно считать записки московского староверческого священника Иоанна Лукьянова (1711 год). Из паломнической литературы он читал лишь «Коробейникову книгу», никогда прежде не покидал Москвы и не общался с иноземцами. Чужие лица и нравы приводили его в ужас, о родном же городе он постоянно вспоминал на чужбине. Но когда этот москвич поближе познакомился с турками, они для него «как русские стали». «А когда мы шли на корабли со арапи... а мы, трое нас, что пленники, языка не знаем, а куда нас везут, бог весть». Но все обошлось хорошо. В Дамiette хозяин судна — араб, «кликнул гречанина, да и отдал меня в руки... так гречанин нанял арапов под нашу рухлядь, да и пошли в метоху в монастырское подворье. Тут нас игумен принял с любовью и трапезу добрую учредил, а языка не знает, да старец у него повар сербин, он, спасибо, язык русский знает, так нам отраднее стало». В Иерусалимской церкви Воскресения Лукьянов видел коптское и «хабежское» богослужения²⁰.

В 1770—1794 годах начинаются паломничества в Святую Землю саровских монахов. Первым из них был сын курского купца Игнатий (в миру Иван) Деншин. Собственно, до паломничества он был афонским монахом, лишь позднее стал саровским. В путь он отправился в 1766 году, в 1770—1772 годах был в Палестине, затем посетил Египет. Его отношение к инославным христианам лишено фанатизма. Он пишет, что «около большой церкви (Воскресения Христова) устроены маленькие церкви разных христиан, и служат они на своем языке». Игнатий истово поклонился святым местам, заключенным внутри этих часовен, обойдя их все по очереди, в числе прочих «церковь коптских христиан, в ней приделана палатка, где Гроб Господень».

В Вифлееме, где «место от Ирода избивенных младенцев содержат армяне, сирияне и копты», Игнатий также помолился. В Египте, в Каире, он «поклонился святому месту, где Пресвятая Богородица с предвечным младенцем Господом нашим Иисусом Христом и со Иосифом бежавши от Ирода в Египет и пребывали на оном месте, тут есть пещера и монастырь, который содержат христиане кофтыские»²¹.

Немного больше сведений об африканских христианах в Палестине приводит другой саровский иеромонах (впоследствии архимандрит) Мелетий, побывавший здесь в 1793–1794 годах. Написанное им «Путешествие в Иерусалим» было издано лишь однажды, больше не переиздавалось и давно стало библиографической редкостью. Образованный светски и духовно, Мелетий часто ссылается на описания паломничества его предшественников: Арсения Суханова, Василия Григоровича-Барского, Радзивилла-Сиротки (которого он читал в русском переводе), а также греческий проскинитарий Досифея (повторявший Арсения Каллуду) и русский академический «Лексикон географический». В Палестине Мелетий был принят в кругу греческого и коптского духовенства и получил от него информацию об эфиопских христианах и их взаимоотношениях с коптами и греками. Точно так же в Астрахани от местных индийцев Мелетий слышал об «индианах» – христианах Кералы. Отчасти книжного, греческого, отчасти устного происхождения сведения Мелетия о «хампесах, или абиссинцах» и «эфиоплянах», которых он считает двумя разными народами²².

Главную ценность представляют личные наблюдения Мелетия: «Копты... В бытность мою в Иерусалиме поп у них был эфиоплянин, другой аравитянин, третий египтянин... (6/17 марта 1794 года) бедный хампес, пребывающий некие дни внутри церкви у коптов, поставил над Гробом Господним на армянском месте свечу на ночь, а сам, приседа в притворе в восточно-полуденном углу, молился. Кандиловозжигатель, францисканский арап, пришел внутрь для осмотра своих светильников и увидевши хампесову свечу, схватил и выбросил вон. Хампес, вскочив, ухватил арапа, сей же оного, и тако схватясь, начали биться, кричать и ругать друг друга. На крик их сошлись все живущие в церкви греки, армяне и копты. Греческий прежний слепой скевофилакс присоветовал францисканцам наискорее бьющихся разнять, дабы не услышали турки, и поутру послать в монастырь к начальнику, чтобы он турков попросил отпереть врата и хампеса из церкви вывести. Посему так и исполнено. Но хампес, выходя из церкви, довольно ругал и проклинал францисканов. Сей же бедный человек не многих дней жаловался грекам и показывал уязвленные на теле места, но как сии его языка не знали, то ясно о вещи понять не могли, и уже после через драку враг его открылся... 22 дня, сидя я с монахами в братской трапезе у окошка и смотря на Хампесское подворье, находящееся за стеной церковною от востока, вдруг увидел хампесов с коптами, воздвигнувших великую ссору, и первые последних с двора прогнали палками. Сему причина была та, что один из коптов не благочинное у церковной стены учил дело... Хампесов, или абиссинцев, я положил тех, кои восприяли православную греческую веру; из числа коих я видел одного молодого человека, жившего в патриаршем монастыре... Копты и хампеси, вкупе в великой церкви отправляющие мольбу, при изумленных своих напевах употребляют на Пасхальной утрени и разные инструменты, приплясывая и бия в ладони. Когда я на Пасху, после Литургии выходя из церкви, остановился посмотреть, как армяне, копты, хампеси и сирияне, яко единого исповедания люди, один за одним, делая литию, обходили место Снятия Господня... [В монастыре святого Авраама] между стены великой церкви и двух молитвенниц, коптской и хампесской, проходят на Хампесское подворье. Оно довольно просторно и имеет несколько келий, или чуланов»²³.

Отношение Мелетия к инославным восточным христианам-монофизитам, хотя и «разноверцам», но «людям вселенской единой верной нашей братии» – это глубокое

уважение, сочувствие в страдании, христианская братская любовь. В своем отношении к ним Мелетий является прямым предшественником архимандрита Порфирия (Успенского). Вместе с тем, довольно зная о различиях Православия и монофизисма, Мелетий видит прежде всего этническое многоцветие христианства: «Скажу теперь, какие роды людей вселенной единоверной нашей братии были в соборнии во Святом Сионе и составляли совокупное празнество. Греки двух языков, то есть собственного и турецкого; аравитяне, или арапы палестинские, египетские и сирийские; египтяне; хампеси; славяне разных пород: болгары, сербы, россияне, малороссияне и прочие; волохи, молдавцы; грузины; сириане, или халдейцы, и армяне»²⁴. Такое восприятие станет господствующим у паломников-писателей XIX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кобищанов Ю. М. Место исламской цивилизации в этноконфессиональной структуре Северный Евразии – России // *Общественные науки и современность*. М., 1966. № 2. С. 91 и сл.

² Изучение исторических документов об эфиопской, нубийской и коптской колониях в Палестине началось еще в XIX веке, первоначально в общих работах по истории святых мест, из которых следует отметить: Муравьев А. Н. История Иерусалима. СПб., 1858. Т. I–II; Соловьев М. По Святой Земле // *Русское обозрение*. 1892. Т. 2. С. 291–637; Тураев Б. А. Абиссинский монастырь в Иерусалиме и его библиотека // *Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества*. СПб., 1903. Т. XIV, ч. II, № 1. С. 115–132. Важнейшие более современные исследования: Cerulli E. *Etiopi in Palestina*. Roma. 1943, V. I; 1947, V. II; Monneret de Villard U. «*Liber peregrinationis*» di Jacopo da Verona // «*Nuovo Ramusio*». Roma, 1950; Abuna Philippos Mangistu. *The Ethiopian Holy Places in Jerusalem*. Jerusalem, 1955; Petracek K. *Die Athioper in Jerusalem in den Tschechischen Reisebeschreibungen des XV und XVI Jhdts*; Meinardus O. *The Copts in Jerusalem*. Cairo, 1960; Peridis S. P. *La presence ethiopienne a Jerusalem-son statut juridique et ses droits de propriete sur lr monastere de Dayr es-Sultan*. Addis Ababa, 1961; Tedeschi S. *Journal storica di Dayr as-Sultan* // *Journal of Ethiopian Studies* (Addis Ababa). V. II, № 2. P. 92–160. Во всех этих работах использована лишь малая часть русских «хождений» и других источников и ни одного украинского источника.

³ Кобищанов Ю. М. Первые встречи русских с африканцами: Египет глазами русских путешественников XV–XVIII веков // Кобищанов Ю. М., Кубель Л. Е. *Африка глазами наших соотечественников*. М., 1974. С. 37 и сл. Аналогичное исследование записок украинских паломников см.: Кобищанов Ю. М. *Украинцы в Африке* // *Африка: встречи*. С. 318 и сл.; Его же. *Украинские путешественники XVIII века в Египте* // *Африка глазами...* С. 59 и сл.; Его же: *Записки украинских паломников в Святую Землю как источник по истории связей Украины с африканским христианством* // *Православный Палестинский Сборник* (далее: ППС). М., 1992. Вып. 31(94). С. 64–67.

⁴ *Хождение гостя Василия, 1465–1466 гг.* // ППС. СПб., 1884. Т. II. Вып. 3. С. 10. Кроме того, перечислены службы: греческая, иверская (грузинская), сербская, «фряжская», сирьянская, яковитская, «мелфедиская» (маронитская), несторианская. Предшественники Василия, совершившие паломничество в Иерусалим, — Игнатий Смолянин (около 1405 года) и инок Зосима (1419–1422 годы) — перечисляют здесь службы разных христианских народов и Церквей, но неафриканских христиан.

⁵ Cerulli E. *Ibid.* V. I. P. 1230; V. II. P. 381–382; Monneret de Villard U. *Ibid.* P. 39, 60–61.

⁶ *Хождение архимандрита Агренья обители Пресвятыя Богородицы (около 1370 г.)* / Под ред. архимандрита Леонида // ППС. 1896. Т. XVI, вып. 3(43). С. I–X, 6, 10.

⁷ *Хождение купца Василия Познякова по святым местам Востока, 1558–1561 гг.* Под редакцией Х. М. Лопарева // ППС. СПб., 1887. Т. VI, вып. 3. С. 36, 39–40, 42–43.

⁸ *Хождение Трифона Коробейникова, 1593–1594 гг.* / Под ред. Х. М. Лопарева // ППС. 1889. Т. IX. Вып. 3(27). С. 23. Если «Хождения Василия Познякова» сохранилось всего три списка, причем все дефектные, то «Хождения купца Трифона Коробейникова» открыто более двухсот списков, не считая множества изданий.

⁹ Там же. С. I, XIX–XX.

¹⁰ Каптерев Н. Ф. *Сношения Иерусалимских Патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетий*. ППС. 1895. Т. XV. Вып. 1(43). С. 11.

¹¹ *Записки о паломничестве Василия Гагары сохранились в двух редакциях. Более ранняя озаглавлена «Хождение в Палестинских местах убогого Василия»; более поздняя, сильно*

переработанная и расширенная – «Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Гагары» // ППС. СПб, 1891. Т. XI, вып. 3.

¹² Там же. С. 17–18.

¹³ Повесть и сказание о походе в Иерусалим и во Царьград Троицкого Сергиева монастыря черного диакона Ионы по реклому Маленькова. 1649–1652 // ППС. 1895. Т. XIV. Вып. 3(42). С. 8, 9–10, 17, 37, 39, 42, 48.

¹⁴ Проскритарий Арсения Суханова, 1649–1653 гг. // ППС. 1889. Т. VII, вып. 3. С. 57, 156. Арсений Суханов был сначала архидиаконом, позднее настоятелем монастыря, известным сподвижником и критиком Патриарха Никона. Московское правительство неоднократно использовало его знания и дипломатический талант. В 1636 году он участвовал в русском посольстве в Грузию. Его паломничество в Иерусалим в 1649–1652 годах было одновременно дипломатической миссией: в Иерусалим он привез «два сорока» соборей и письмо Патриарху Паисию от царя. На Украине, в Молдавии, Турции и Египте он вел официальные и полуофициальные переговоры с правителями государств и главами Церквей. В 1654 году Суханов совершил третью поездку на Ближний Восток по благословению Патриарха Никона.

¹⁵ Повесть о святых и Богоприходных местах Святого Града Иерусалима, приписываемая Гавриилу, архиепископу Назаретскому, 1651 г. / Под ред. С. О. Долгова // ППС. 1900. Т. VIII. Вып. 1(52). С. 6. Три сохранившихся списка XVII века не дают имени автора «Повести», три списка XVIII века называют его Назаретским епископом Гавриилом. Гавриил прибыл в Восточную Европу за милостыней и здесь остался. Он жил в России, на Украине, снова в России; в обеих странах изучал славянский язык и овладел им настолько, что в присутствии Богдана Хмельницкого прочел по-старославянски молитвы. Язык «Повести» – русский с элементами старославянского, украинского и греческого – говорит в пользу версии об авторстве Гавриила Назаретского (там же. С. II–IV).

¹⁶ Чумаченко Э. Г. Путешествие В. В. Полозова по странам Ближнего Востока в 70-е годы XVII века: Источниковедческий анализ челобитных Полозова // Палестинский сборник. История и филология стран Ближнего Востока. М.; Л., 1966. Вып. 15 (78). С. 221–225. В 1651 году В. В. Полозов, будучи подростком, попал в плен к крымским татарам. Через полтора года был подарен турецкому султану, а через 12 лет за тайное исповедание христианства был отправлен на каторгу, где находился 9 лет и 2 месяца – таким образом, он пробыл в плену более тридцати лет. Около 1672 года галера, на которой гробами были Василий Полозов и другие «московские невольники», потерпела кораблекрушение, но Полозов и другой невольник спаслись на том же бревне, к которому были прикованы. Тогда-то он и отправился в паломничество, а совершив его, двинулся на родину и в конце ноября 1676 года пришел в Москву. Через некоторое время В. В. Полозов подал царю Алексею Михайловичу челобитную, позднее переделанную в «хождение» (Чумаченко Э. Г. Указ. соч. С. 210–227).

¹⁷ Памятники древней письменности. Проскритарий святых мест Святого Града Иерусалима, на греческом языке написал критянин Арсений Каллуда и напечатал в Венеции в 1679 году; с греческого на славянский диалект перевел чудовский монах Евфимий в 1686 году. Изд. архимандрит Леонид (Кавелин). СПб., 1883. С. 28, 31–32.

¹⁸ Путешествие из Константинополя в Иерусалим и Синайскую гору находящегося при российском посланнике, графе Петре Андреевиче Толстом, священника Андрея Игнатъева и его брата Стефана в 1707 г. // Паломники-писатели петровского и послепетровского времени или путники по Святой Град Иерусалим. Ср.: Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1873. Кн. 3, отдел 5. С. 39 и сл., 44.

¹⁹ Паломники-писатели ... С. 63.

²⁰ Путешествие в Святую Землю старообрядца, московского священника Иоанна Лукьянова в царствование Петра Великого (1711 г.) / Изд. С. А. Соболевского. М., 1864. С. 52 и сл., 71.

²¹ Описание путешествия отца Игнатия в Царьград, Афонскую Гору, Святую Землю и Египет, 1766–1776 гг. // ППС. СПб., 1891. Т. XII. Вып. 3(36). С. 17–18, 20, 23.

²² Путешествие во Иерусалим Саровския общежительный пустыни иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 годах. М., 1800. О том, в каком состоянии находилась в то время эфиопская колония в Палестине, говорит следующий эпизод. Екатерина II готовила словарь всех языков мира. В 1784 году русское правительство направило запрос Патриархам Иерусалимскому и Антиохийскому со списком 285 слов и с просьбой сообщить их перевод на «абиссинские языки с разными диалектами». Однако ответ, вероятно, не был получен: следов его в архивах не обнаружено. Первое (1787 г.) и последующие издания словаря вышли без эфиопских материалов.

²³ Там же. С. 124–127, 145, 169.

²⁴ Там же. С. 161–162, 174, 224–226, 279.